

Что за прелесть эти сказки!
Александр Сергеевич Пушкин
в письме к Л. С. Пушкину

О НЕЧИСТОЙ СИЛЕ

**СБОРНИК ПОВЕРИЙ, БЫЛИЧЕК
И СКАЗОК МИХАИЛА БЕЛОРЕЦКОГО,
СТУДЕНТА ИМПЕРАТОРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
НОВОГО БЕЛГРАДА
1226 Г. ОТ ЗОЛОТОГО РАССВЕТА**

ВВЕДЕНИЕ

Решив заняться изучением поверий, верований и суеверий жителей Великолесья, я опирался в первую очередь на свою работу с фольклором Совинской губернии и связь между историями, которая заключается не только в повторении фольклорных мотивов, что свойственно всем сказочным сюжетам, но и в том, что они являются продолжением друг друга и напрямую связаны с историческими событиями Ратиславской империи и Рдзенского королевства, которые...

От кого: граф Александр Ферзен
Откуда: Златоборская губерния, Великолесье,
усадебна Курганово

Кому: Фёдору Николаевичу Афанасьеву
Куда: Новый Белград, Императорский университет

Уважаемый Фёдор Николаевич!

Ваш пишет граф Александр Ферзен, хозяин поместья Курганово, в котором провёл последний месяц ваш ученик Михаил Белорецкий.

С прискорбием сообщая, что этот молодой человек пропал без вести, собственно это и стало поводом написать вам.

Возможно, вы слышали о нападениях диких животных в Великолесье. В наших краях волки стали настоящей напастью. Судя по всему, Михаил пал их жертвой. Несмотря на мои предупреждения, он пренебрег осторожностью и не раз отправлялся гулять в одиночку по лесу и просёлочным дорогам. Неделя назад он пропал, и после долгих поисков по всей округе мы нашли только его сумку с вещами.

Всю одежду и личные вещи, а также черновик научной работы отправляю Вам, так как адрес родственников Михаила, увы, неизвестен. Ваш ученик лишь мельком упомянул, что он родом откуда-то из провинции в Ргзении.

Прошу от моего имени передать соболезнования родственникам Михаила. Если однажды его останки будут найдены, обещаю достойно их захоронить или переправить родственникам юноши, когда они того пожелают.

*С уважением,
Граф Александр Ферзен*

Уважаемый Фёдор Николаевич!

Вы не знаете меня и вряд ли когда-либо слышали моё имя. Если всё пошло как задумано, то Вы найдёте моё письмо сразу под письмом графа.

Меня зовут Клара Остерман, я дочь доктора Густава Остермана, который служит у графа, что прислал Вам пакет от Мишеля. Скажу сразу: ни граф, ни отец не подозревают о моём письме. Я подложила его тайно перед самым отправлением вместе с другими бумагами. Потому что многое, о чём Вы узнаете из писем, должно остаться тайной ради моей безопасности, ради Мишеля и всех, кто сейчас здесь со мной в Великолесье и в нашем несчастном проклятом Курганово.

Я бы ни за что не решилась отправить письма Мишеля Вам, да и любому другому человеку, но, перечитав несколько раз его дневники и письма, поняла, что обязана рискнуть и безопасностью, и честью своей семьи, и всем остальным. Ради справедливости.

Вы уже, наверное, поняли из письма графа, что с Мишелем случилось нечто ужасное. Мне не у кого просить помощи, Фёдор Николаевич. Я здесь совсем одна, в окружении страшных, опасных, жестоких людей. Всё, о чём мечтаю, — спасти Мишеля, но не уверена, что это до сих пор возможно. Мне не хочется даже думать, что с ним случилось. Говорят, его забрал лес. Но мне не хочется в это верить.

Граф считает, что отправил Вам только отрывки научной работы Мишеля. Он пытался найти его дневник и письма, чтобы, как я подозреваю, уничтожить, но я во-

время всё спрятала. Мне страшно оставлять их в усадьбе, где рано или поздно их найдут. Граф уничтожит всё.

Пожалуйста, умоляю, прочитайте всё, что в этих записях. И, если сможете, приезжайте скорее в Великолесье, к нам, в Курганово. Возможно, ещё не поздно для Мишеля и для меня. Возможно, нас всех ещё можно спасти.

Молюсь Константину и пресветлой Лаодике, чтобы мои письма дошли до Вас в целости и сохранности и всем стала известна правда об ужасах, что происходят в Великолесье. Прошу, приезжайте, как только получите это письмо.

С надеждой,
Клара Остерман

Из дневниковых записей Михаила Белорецкого

12 студня 1228 года

Я снова видел её! Руки трясутся. Всё запачкал чернилами

*Merde!*¹

Merde

Это была она, чтобы бесы её побрали... или она и есть бес? Аберу-Окиа в обличье женщины...

Merde

Наконец-то могу твёрдо держать перо в руках. Расскажу всё по порядку. Так мне самому станет легче, и в голове прояснится.

Ещё на рассвете мы выехали из Орехово, этого маленького, ничем не примечательного городишки на тракте от Златоборска к Ниженску. Не помню ничего, кроме тумана, и весь город остался в памяти таким же: серым, невзрачным, грязным; люди в нём под стать.

Я не выспался и всё утро дремал в карете или, по крайней мере, пытался задремать. Трясло ужасно. Меня то и дело выдёргивало из сна, когда мы подпрыгивали на кочках. Юная барышня с матушкой, ехавшие с нами от самого Златоборска, ещё и пищали, точно мыши, отчего у меня разболелась голова. Они, к счастью, скоро вышли где-то по дороге к Мирной.

Я остался наедине с пожилым господином с настолько белоснежной аккуратно подстриженной бородой, что едва удержался, чтобы не спросить о цирюльнике, к которому он ходит в такой глуши. Но, если подумать, бороды у меня нет, волосы кудрявые, поэтому я вполне могу потерпеть до возвращения в Новый Белград.

---

¹ Дерьмо (фр.).

В общем, это было ничем не примечательное утро.

У меня трещала голова. Карета тряслась на ухабах. Грязь летела во все стороны, а осеннее, пронзительно холодное солнце резало глаза каждый раз, когда пытался посмотреть в окно. А я всё равно, стирая слёзы, то и дело выглядывал из-за выцветшей шторки и сквозь заляпанное, забрызганное, мутное стекло смотрел на золотисто-жёлтые, горевшие, точно солнце, осенние поля и мечтал скорее выбраться из дребезжавшей кареты, ступить ногами на твёрдую землю и вдохнуть полной грудью бодрящий ледяной воздух, звеневший первыми заморозками и хрустевший, словно лёд, под колёсами нашей кареты.

В какой-то момент подул ветер, поднял пыль с дороги и снег с замёрзшей воды в канавах, сорвал жёлтую листву с деревьев и унёс это всё в поля.

А там, среди золотой пурги из света, снега и рыжей, точно огонь, травы появилась

Она

Помню, как застыл с раскрытым ртом, не веря своим глазам. Мираж. Видение. Проклятие. Морок!

А в следующий миг нашу карету тряхнуло, и я ударился лбом о соседнюю лавку.

Всё перевернулось.

Merde

Merde

Это всё она, не иначе. Видит Создатель, в этом виновата она... Аберу-Окиа во плоти.

Не помню ничего. В глазах вспыхнул сноп искр. Кажется, я даже потерял сознание.

Пришёл в себя уже сидя на обочине дороги, прямо на траве, прислонённый спиной к берёзе. В нос мне тыкали нюхательные соли, а мой сосед с восхитительной бородой повторял с сильным лойтурским акцентом:

— Ви вь порьядке? Молодой чельовек, ви в порьядке?

Ответить не было сил. Я попытался отмахнуться от нюхательных солей, но лойтурец не отстал от меня, пока я не согласился посчитать, сколько у него пальцев на руке.

— Клянусь, их должно быть пять, — сказал я. — Но сейчас чётко вижу семь.

Лойтурец поцокал языком.

— Плохь, плохь, — прокудахтал он обеспокоенно. — Вамь надобно лежать.

Я и вправду всё пытался подняться, а лойтурец усаживал меня обратно. Но я должен был найти...

Её

Но её, конечно, уже и след простыл.

Я почти поверил, что она — сон. Видение. Горячий бред.

Карета наша поломалась, и кучер ничего не смог с этим поделать. Он предложил нам с лойтурцем подождать, пока кто-нибудь проедет, или дойти пешком до ближайшей усадьбы или деревни.

У меня так кружилась голова, что я не особенно вникал в смысл происходящего.

Всё, что я видел, — она.

Наверное, прав был доктор Вальчак. Тогда, ещё одиннадцать лет назад, я слишком сильно ударился головой. И ещё горячка. И пережитый ужас. Матушка, конечно же, не хотела в это верить. Ещё бы, единственный сын, и тот душевнобольной.

Но... но как ещё можно было объяснить то, чему я стал свидетелем у Бездонного озера? Откуда ещё могла явиться она, как не из бредовых горячечных видений? Наверное, остальным было легче поверить в это, чем в мой рассказ.

— Мольдой человек, — позвал меня лойтурец. Мне очень нравится его акцент, не могу удержаться от того, чтобы не попытаться отразить это на письме. — Ви замерзает. Прошу, сядьте в карету.

Я приподнял голову с постеленной шинели нашего извозчика (верно, он когда-то служил или получил эту шинель в подарок от бывшего солдата).

— И как вы это себе представляете, любезный? — В мои намерения не входило показаться грубым, я вообще не приемлю вульгарность и *mauvais ton*¹ в любом проявлении. Только бумага терпит мои ругательства, да и те только когда я вспоминаю её. *Epistola non erubescit*².

Очень хочется верить, что я не оскорбил своего нового знакомого, но он выглядел смущённым: карета, в которой он предложил мне отдохнуть, так накренилась, что присесть или тем более прилечь в ней было никак невозможно.

— Ви правь, — сказал лойтурец.

Он отряхнул свой дорожный сюртук и протянул мне руку.

— Доктор Густав Остерман, — представился он.

— Ох, прошу прощения... князь Михал Белорецкий.

---

¹ Дурной тон (*фр.*).

² Бумага не краснеет (*лат.*).

Поспешно подскочив с шинели, я едва не упал: так сильно закружилась голова. Доктор подхватил меня и помог удержаться.

— Осторожно, молодой человек, — обеспокоенно произнёс он. — Осторожно. У вас сильный ударь.

У меня получилось лишь глупо выдавить улыбку, пожимая его руку. Так, держась друг за друга (если быть честнее, то я держался за доктора, чтобы не упасть), я постоял некоторое время, пока не почувствовал себя лучше.

Вдвоём мы наконец вернулись к дороге. Распряжённые лошади паслись здесь же, щипля пожелтевшую, заиндевевшую траву без особого аппетита. При нашем приближении мышастая подняла голову, фыркнула, приветствуя, и из её ноздрей вылетели клубы пара. А я, всё ещё слегка пошатываясь, уставился в огромные лошадиные глаза, увидев в них и отражение себя, и золотое поле за своей спиной... и её.

Но когда обернулся, позади оказалось только поле.

Только чернеющий вдаль лес. А я смотрел на него потерянню, жалобно, не веря, что она вновь исчезла.

Что она так и осталась видением.

Доктор, верно, принял моё состояние за последствие удара. Ох, если бы он знал, как давно я страдаю от этого недуга! И что он определённо точно неизлечим.

— Вы в порядке? — обеспокоенно повторил он.

— Да, — ответил я, пытаюсь стряхнуть морок.

— Не смотри, господин, на лес, — вдруг раздался с дороги голос.

Это был наш извозчик — немолодой (а может, и молодой. Ратиславские кметы от тяжёлой жизни и в двадцать лет выглядят как старики) бородатый мужик. А уж эти их бороды и вовсе кошмар и *mauvais goût*¹.

— Почему?

— Он всякое кажет, — пожал плечами мужик. — То чего боишься, то чего желаешь. А всё дурно. Голову морочит. В наших краях говорят: не смотри на лес, а то заберёт. Лесная Княжна придёт ищцо. — Он очень забавно протянул это "ищцо".

Пусть звучало это смешно и суеверно (а это моя работа — собирать суеверия), от его слов меня пробрал озноб. Даже если это бред, в который верят все деревенские что в Рдзении, что в Ратиславии, что даже в самой Лойтурии, это показалось слишком близким, слишком знакомым. Это было именно то, что я искал в своих странствиях.

Мне стало любопытно, кто такая Лесная Княжна, но извозчик заюлил.

— Да ходит-бродит тут... творит всякое, вытворяет...

---

¹ Дурной вкус (*фр.*).

— Это поэтому, — я оглядел опрокинутую карету, — нашу карету так перевернуло? Лес или эта ваша Лесная Княжна тебе голову заморочили, когда надо было вперёд смотреть?

— Так дороги, господин, — развёл руками извозчик. — Ты посмотри только, какие дороги.

— Да, но...

Снова и снова мой взгляд возвращался к полям, окружавшим дорогу с обеих сторон. Извозчик, кажется, следил за мной.

— Мне показалось... там... я почти уверен...

Мужик вдруг как-то смущённо кашлянул.

— Многим она порой мерещится, господин, — проговорил он достаточно неразборчиво, и я не уверен, что он сказал именно это, поэтому тут привожу его слова, как сам услышал. Когда же я переспросил, извозчик отмахнулся и отвёл глаза.

— Говорю, места у нас болотистые: реки, озёра, леса, топи сплошные. Мерещится всякое людям. Нечего в лес смотреть. От леса ждать только морока.

Тут во мне соединились сразу два моих интереса: личный и научный. А один к тому же ещё и замешан на "горячечных видениях" другого.

Поэтому я полез в сумку, достал бумагу, перо, сел на землю и немедля, боясь позабыть, записал это: "от леса ждать только морока".

— А что это вы писать, мольдой человек? — склонившись надо мной, полюбопытствовал доктор.

Я поднял голову и поймал его полный искреннего интереса взгляд настоящего исследователя. Извозчик тоже косился на меня, но скорее с недоверием.

— Понимаете, — прокашлялся я смущённо, — это моя работа: изучать народные сказания, поговорки,